

УДК 1(091)

ПРИРОДА СИМВОЛИЧЕСКОГО АКТА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ (статья 1)

В.В. Ильин, А.А. Калинин

ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана», г. Москва

Рассматриваются предпосылки, фазисы инкорпорации личности в символический контур культуры. Вызревание человеческого осмысливается в терминах автоморфных конститутивных процессов в зоне ближнего социокультурного развития.

Ключевые слова: социализация, личность, символический обмен деятельностью.

Человеческое и нечеловеческое различаются по символическому основанию, способности отправлять символические акты. Ближайшей предпосылкой последних оказывается врожденность в надынстинктивные онтологические условия развития. Подобное возникает из подобного: культура выходит из культуры, символическое – из символического.

Внешние функции, обычно считающиеся элементарными, подчиняются у ребенка совсем другим законам, чем на более ранних филогенетических ступенях, и характеризуются опосредованием общением, языковой коммуникацией – социализацией [3, с. 38]. Опосредующая роль социально-знакового комплекса (символического обмена) более фундаментальна, нежели кажется. Человеческое – генеалогически исходно символическое – в прямом смысле слова индуцируется автоморфными конститутивными процессами в зоне ближнего социокультурного развития.

Под влиянием символического обмена (язык, общение) в данной зоне формируется собственно антураж человеческого:

- актуализируются генетически намеченные физиологические атрибуты сапиента;
- благоприобретаются навыки разумного самоопределения.

Главное состоит в обрубании эволюционно более архаичных инстинктивных признаков самоутверждения на базе наследственно передаваемых способов удовлетворения потребностей. Социокультурная преобразующая сила символического обмена, следовательно, суть сила, во-первых, негативная – прерывающая, пресекающая, – на стадии *homo sapiens* она порывает с инстинктивным прошлым; во-вторых, позитивная – иницирующая, стимулирующая, – на той же стадии она выстраивает надынстинктивное настоящее.

Физиология. Благотворное влияние социализации (социально-знакового комплекса – СЗК) под углом зрения разработки символии

сказывается в активации прямохождения, передних конечностей в комбинировании вещностью (мелкая моторика), функциональной архитектуры мозга, артикуляционного аппарата. Подробнее остановимся на речевом компоненте СЗК.

Звуки речи возникают из движения струй воздуха, выталкиваемых из легких по бронхам, трахее, через гортань, глотку, ротовую, носовую полость [7, с. 162]. Физиологический механизм речевого аппарата напоминает способ действия духовых инструментов: легкие – меха; язык, способный к ритмическим колебаниям, дает тон; надставная труба – резонатор – полость глотки, рта, носа.

Легкие, бронхи, трахея нагнетают струи выдыхаемого воздуха посредством натяжения мускулов диафрагмы. Гортань состоит из двух больших хрящей – перстневидного и поставленного на нем щитовидного (выступ щитовидного хряща – «адамово яблоко» – кадык), являющихся ее остовом, внутри которого наклонно от верха передней к низу задней части натянуты мускульные пленки в виде занавеса (голосовые связки) [там же]. Верхние края занавеса прикреплены к внутренним стенкам щитовидного хряща, нижние – к маленьким пирамидальным, или черпаловидным, хрящам, имеющим вид треугольников и могущим раздвигаться и сдвигаться к центру.

Пространство между голосовыми связками – межсвязочная щель; пространство между расходящимися пирамидальными хрящами – межхрящевая щель. Обе они образуют голосовую щель [там же, с. 162–164]. Струя воздуха, из трахеи проходя сквозь перстневидный хрящ и голосовую щель, в зависимости от положения гортани производит издание звуков. За их диверсификацию ответствен верхний этаж речевого аппарата – надставная труба (резонатор), где образуются обертоны и резонансные тоны – шумы от трения воздуха о сближенные органы или от взрыва сомкнутых органов [там же, с. 166].

Надставная труба начинается полостью глотки (фаринкс) с находящимся там хрящом надгортанника и далее подразделяется на две выходящие трубы – ротовую и носовую полости. Их отчленяет нёбо, передняя часть которого – палатум (твердое нёбо), задняя часть – парус нёба (мягкое нёбо), заканчивается маленьким язычком (увула). В зависимости от положения мягкого нёба и увулы (приподнятого, прижатого к задней стенке глотки; опущенного, продвинутого вперед) производится звук ротового или носового резонанса.

Фонационное дыхание пропускает струи воздуха порциями – отдельными толчками, что позволяет с участием органов полости рта (губы, язык, маленький язычок, мягкое нёбо, надгортанник) получать звуки разного тембра – увулярные, гингивальные, альвеолярные, церебральные, корональные, дорсальные, эпиглоттальные, назальные, – разнообразящие регистры.

Нехитрая иллюстрация подкрепляет принципиальное: символическое (СЗК) по ходу социализации активирует физиологическое (феномен Маугли данной активации безучастен); активированное физиологическое увеличивает возможности развития символического (в целом психического). Подспудная зависимость одного от другого осмысливается в терминах не провиденциализма, но резонансного синергизма. Прибегая к мысли Ортеги, можно высказать: символическая судьба ставит нас в колею, скользя по которой, мы соответствующим образом себя ведем, думаем.

Поведение. Животные, дикири осваивают реальность непосредственно через получаемые от отдельных раздражителей впечатления. Незатейливая поведенческая реакция на последние описывается элементарной моделью, ключевыми моментами которой являются сенсорность и моторность, опосредуемые выстраиваемыми в коре больших полушарий головного мозга условно рефлекторными связями.

Концептуальная консолидация данных моментов и их последовательная теоретизация позволили И.П. Павлову развить учение о первой сигнальной системе как форме прямого отражения действительности в виде ощущений и восприятий [6, с. 318]. Осмысление характера ситуации человека в среде себе подобных в дальнейшем подвело к радикальному обобщению, представляющему плод двух ревизирующих маневров:

- непосредственность впечатлений от контактов с предметными раздражителями заменена опосредованными смысловыми контактами, возникающими от реакции на слова;

- первая сигнальная система заменена «чрезвычайной прибавкой» (Павлов) – второй сигнальной системой; сигнал трансформирован в знак.

В специфической человеческой деятельностной нише условно рефлекторные связи формируются при воздействии не предметов, а слов, не непосредственных раздражителей, а вербальных знаков. Слово (вербальный знак) – инструмент коммуникации, вытесняя из межсубъективного деятельностного обмена непосредственность, предметность, переводит его в образно-аналоговый, сигнитивный модус функционирования (знаки имеют чувственную форму, но не имеют физического подобия замещаемым предметам). Слово – сигнал первых сигналов (не совпадающих с предметами, намечающий их смысловые образы), становясь центром человеческого самостоянья, знаменует конституирование искусственной символической реальности (реальность как образная модель мира, калькуляция знаков)¹, опосредующей (а во многом подменяющей) отношение человека к реальности естественной, предметнообразной.

¹ Язык есть орган внутреннего бытия, даже само бытие, говорит Гумбольдт.

Учением о второй сигнальной системе Павлов подорвал свое же учение о поведении как адаптивной рефлекторной реакции. Говоря строго, на стадии СЗК (образно-аналоговый, сигнитивный, символический способ утверждения в реальности) человеческое поведение подчиняется императиву не приспособления к среде через реакции, а приспособления среды к себе (по символическим программам) через акции. Доктрину преодоления внешних препятствий по решению значимых задач успешно развивал Н.А. Бернштейн.

Мысль. Визуальные образы предметно позитивны, реальны в двойном отношении. В отношении физиологической обусловленности: они – дериваты соматических связей в коре головного мозга, возникающих от влияния предметности на перцептивный субстрат. И в отношении предметной обусловленности: они – концентраты материи чувственности, правомерно воспроизводящей моменты предметности. По рукой легитимности координированности физиологической формы и предметного содержания выступает эволюционный процесс, самое природное творчество, создающие удивительный по совершенности высоко адаптивный перцептивный потенциал воспроизведения действительности. Человеческая чувственность в силу эволюционной оправданности, адаптивности предметно адекватна: чувство не обманывает; «всякое целесообразное действие регулируется чувствованиями» (Сеченов). (Эффект нецелесообразности, иллюзорности действия определяется физиологически и предметно несбалансированным оперированием вещными связями – допущение в потенциальном опыте чувственно недоверяемых мнимых явлений: скажем, человек-невидимка; человек, проходящий сквозь стену).

Со ступени СЗК чувственно-предметные, визуальные образы заменяются образами знаковыми, информационно-аналоговыми. Относительно вторых первые – генетически приоритетны, исходны.

Функционально первые имеют вещные коннотации, тогда как вторые – коннотации смысловые. Генетическая и функциональная предметная ориентированность визуальных образов предопределяет их гносеологическую элементарность. Сказанное проявляется в таких атрибутах перцепции, как

- разрешающие возможности [1, с. 41],
- наглядно-действенная локальность.

Физический процесс	Длина волны в мм	Частота колебаний в 1 с	Воспринимающий орган	Качество ощущения
Механические воздействия	-	до 1,5 тыс.	Кожа	Осязание
Звуковые волны	Выше 12 12 - 3	ниже 30 30–30 000	Внутренне ухо	Слух
Электрические волны	До 0,1 0,1 – 0,004	$30 \cdot 10^{12}$ 8^{14}	Кожа	Тепло

Световые волны	0,008 – 0,004 0,004 – 0,00001	$4 \cdot 10^{14}$ – $8 \cdot 10^{14}$ $8 \cdot 10^{14}$ – $5 \cdot 10^{15}$	Сетчатка глаза	Свет, цвет
Рентгеновские волны	0,0000008 – 0,0000005	$4 \cdot 10^7$ – $6 \cdot 10^{10}$	-	-

Восприятие – предметно-чувственная форма фиксации явлений действительности как по (а) презентационному, так и (б) репрезентационному механизму:

а) презентационный механизм. Предметное восприятие крепится на неких физиологически «простейших» сенсорных процессах в органах чувств, непосредственно коррелированных с ними отделах коры, анализаторах. (Анализатор – анатомо-физиологическая система приема, анализа, передачи раздражения – включает расположенные на периферии механо-, хемо-, фото- и т. д. рецепторы; проводящие пути; корковые проекционные зоны. Рецепторы преобразуют энергию раздражителей в потенциалы действия, реагируют на изменения раздражителей, контролируются центральными отделами мозга) [там же, с. 43]. Как показано в таблице, органы чувств специализируются на рецепции различных видов влияний: в зависимости от длин волн, частоты колебаний воздействия фиксируются разными органами чувств, воспроизводятся как отдельные виды ощущений (зрение, слух, осязание, вкус). Восприятие – прижизненно формируемый чувственный навык (Хэбб), а не гештальт-способность, что подтверждается хорошо известным психологии феноменом избирательного внимания к частям. А именно: порядок активации клеточных ансамблей (нейронов коры) кортекса обусловлен динамикой органов чувств (к примеру, векторами движения глаз), общей моторной активностью субъекта, обязывающими толковать восприятие как синтетическую, а не прегиантную способность;

б) репрезентационный механизм. Выстраивание чувственного образа не только анатомо-физиологическая, но и конструктивная процедура представлеческого воссоздания-воспроизведения признаков, визуальных параметров предметности. А.Н. Леонтьев назвал это «принципом уподобления» (при осязании движения рук воспроизводят очертания объекта). «Уподобление» – настраивание воспроизводительных действий субъекта согласно наблюдаемой природе объекта – имеет целью выделение характерного или, напротив, обобщенного, могущего быть повторенным в перцептивной копии.

Предметность, локальность, непосредственность, контактность восприятия наделяют его наряду с элементарностью свойством фундаментальности: гносеологически перцепция суть питательная и удостоверяющая база мысли, – продуктивность, обоснованность интеллекта конституируются чувственностью.

С позиции динамики символических форм стадия визуальной образности есть стадия обнажения в локальных опытных ситуациях «чистых» предметных значений. Здесь возникают варианты.

1. Аффектация. Значение ситуации исчерпывается субъективной на нее реакцией с использованием междометий, оноματοпозиса.

Совершенно точно, утверждает Кёлер, что означающие ситуацию знаки животных «безо всякого исключения выражают “субъективные” состояния и стремления, т. е. являются так называемыми звуковыми выражениями аффекта и никогда не преследуют цели обрисовать или обозначить что-либо предметное... С мимикой и жестикуляцией животных дело обстоит сходным образом: они также никогда не обозначают что-либо объективное и не имеют “изобразительную функцию”» [11, с. 27]. Если брать человеческую популяцию, то характерная для животных аффективная реакция в случае восприятия коровы свелась бы к оноματοпозитической констатации «му-му» или междометной реакции «у...у!»

2. Субстантивация. Дает начало дивергенции знакоприменительной деятельности животных и человека. Движение в локальной опытной ситуации в случае человека производится за счет обособления предметного признака и прикрепления его к объекту-носителю. Обособление признака производится остенсивно (в чем сказывается предметность, наглядность, локальность) с заменой оноματοпозитических звуков знаками (следующий усиливающий дивергенцию момент). В случае с коровой помимо остенсива (обращение внимания) осуществляется знаковая калькуляция – остенсив дополняется не фонетическим звукорядом, а знакооформителями: расширяющему житейский опыт существу при столкновении его с коровой, указывая на нее, знакооформляют – «корова». Знакооформитель «корова» в подспудье информирует: живое, животное, мычащее, рогоносное, дающее молоко и т. д. Духовность неопита отягощается перцептивно данным остенсивно, устанавливаемым предметным. Но не только. «Корова» становится не просто остенсивно данным, а еще и данным сигнификатно.

«Чистая» остенсивно удостоверяемая перцептивная «сущность» коровы может быть легко восстановлена при соответственной реконструкции, но дело не в этом. Для потенции СЗК радикальна вербализация: вербализацией оноματοпозитических, остенсивных отношений «чистое» перцептивное значение, подвергшись сигнифицирующей обработке, упраздняется, предмет через слово становится знаком. Слово, как мы знаем, «не есть ни субстрат, ни сущее», значит, применяя знаки, «мы объявляем своим ближним не сущее, но слово, которое от субстрата отлично» [8, с. 76]. Знаковая субституция чувственной ситуации с выделением предметных признаков и их сигнификацией ускоряет центробежное движение от перцептивного локального образа к образу универсальному знаковому. Вехами на пути данного движения оказываются слова, слова, слова.

«Вначале было слово», – так обозначается фикс-пункт разворачивания и символического, и человеческого. Естественно – вопреки Гёте:

*Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа, –*

в случае сапиента «слово» выступает в прямом смысле морфогенетической продуктивной стихией, демиургом и человеческого, и символического.

Диахронический разрез. Мы достаточно плохо осведомлены о влиянии СЗК на утробное развитие в натальный период. Не на много продвинулись мы и в понимании благотворной его роли на постутробное развитие непосредственно в перинатальный период. Перспективные идеи С. Грофа о складывании здесь неких (перцептивных, ментальных) стереотипов – матриц, гештальтов – в точную, верифицированную концепцию пока не оформились.

Хотя интуиция подсказывает, что появляющийся на свет сапиент *tabula rasa* не является, ни генетика, ни медицина, ни психология дополнительных данных на этот счет (пока!?) не поставляют. Остается, держась выверенного, составлять себе незамысловатую динамическую картину.

Окруженный заботой родителей ребенок включается в водоворот общения – тактильности, речевого воздействия. Благостные эффекты его (общения) сказываются непосредственно. При осложнении ситуации – разрыве семейного круга, выдворении из малой социальности, лишении родственного попечения – реакция незамедлительно проявляется: дети-отказники прекращают «гулить», – видимо, дает знать негативная мутация в перинатальной матрице, у них может наблюдаться задержка психического развития и т. д. Однако, как бы там ни было, ребенок встраивается в порядок знаковой (второсигнальной) коммуникации: все его действия и все действия с ним сопровождаются словесным общением. Звучащее слово в контексте общения описывается троичной системой координат с осями «сообщение», «выражение», «обращение» (К. Бюлер).

Первая ось – содержательно-информативная, предоставляет сведения об объективном и субъективном мире, стимулирует предметный прогресс мысли. Вторая ось – экспрессивно-модальная, предоставляет сведения о языковом мире, стимулирует глоттогенетический, лексико-семантический прогресс. Третья ось – адресативно-апеллятивная, предоставляет сведения о коммуникативном мире, стимулирует прогресс интеракции.

Три вида прогресса, консолидируясь в единый прогресс символической человечности, фундируются словесным (языковым) фактором.

С начала перинатального периода ребенок становится существом словоориентированным, а значит, знаковым: знак исходно совпадает со словом, являющимся способом знакоупотребления. Вследствие сказанного ребенок сразу же ощущает все преимущества знакового (символи-

ческого) образа жизни. Выскажемся категоричнее. Использование языка с такими уникальными качествами, как

– «перемещаемость» (Хоккет) – способность сигнализировать о внеконтекстуальных интервалах;

– ассоциативность – вызывание представления иного: «одно вместо другого», «одно, намекающее на другое», «одно как другое», – нерв знаковых отношений, а вместе с ними – языка, любой символичности, какой имманентен момент тропности, аллегоричности, метафоричности;

– значимость – языковые знаки несамодостаточны, непрозрачны (они приобретают контрадикторные этим характеристики в языках искусственных, формализованных), способны замещать «иное», потому что означивают, имеют значение; этапами означивания выступают семиотическая (введение знаков) и семантическая (толкование знаков) процедуры;

– дематериализованность – «снятие» предметного, чувственного: словесные знаки – сигнал первых сигналов – отделяют от вещиности, перцептивности (проницаемой) пленкой синтаксической, лексической, фразеологической, риторической представленности; слово как знаковый раздражитель удаляет от реальности, а потому делает нас людьми [5, с. 569];

– опосредствованность – эффекты второй сигнальной системы – знаковая, понятийная дифференциация, идентификация, классификация и т. д. – накладывают отпечаток на деятельность первой сигнальной системы: человеческая чувственность структурирована языковыми единицами, тогда как чувственность животных аморфна, комплексна;

– репрезентантность – выражение повторяющихся компонентов представлений;

– генерализованность – подведение частного под общую форму;

– воспроизводимость – реставрация частного, преходящего в опыте перекрывает ограниченность, преходящность ситуационного, локального;

– дискретизируемость – дробление, сегментирование действительности лексико-семантическими вариантами –

содействует развитию изоциренных мыслительных операций – установление сходства, различия, группировка, идентификация, предметное распознавание, объединение, выстраивание ассоциаций, учет важного – сугубо символических возможностей. Если воспользоваться терминологией Гуссерля, уместно утверждать: с перинатального периода вовлечения ребенка в структуру СЗК, с ранних стадий социализации имеет место культивация сапиента как эйдетического существа, – фактически предпринимается масштабная феноменологическая редукция, подчиненная центральной сверхзадаче – через вытеснение из субъективного опыта предметных форм получить носителя форм символических.

Сызмальства сапиент нацелен на генерацию символических актов: знаковую калькуляцию объектов, мыслей, идей, чувств.

Обобщение сказанного с попыткой уяснения диахронии подводит к квалифицирующему.

В филогенетической плоскости нет и не может быть ясного, ввиду отсутствия прорывов в теории антропогенеза, науках о человеке палеоцикла, в том числе палеолингвистике, палеосоциологии, палеогносеологии. Следует подвергнуть более или менее тщательному моделированию происходящее в четырех отсеках – сознание, социальность, материальное жизневоспроизводство, языковая коммуникация – на четырех основополагающих эволюционных интервалах – австралопитеки, архантропы, палеоантропы, неантропы. При дефиците фактуры прибегают к умозрениям типа догмы Н.Я. Марра о наличии фазиса несловесного (жестового) языка, что со многих, в том числе здесь отстаиваемых, позиций является химерой. Главное, по-видимому, заключается в прояснении хода словотворчества – звукоподражание, звукоизображение, звукопорождение (компетенция палеофонетики, изучающей акустические, физиологические – артикуляционные – признаки звуков речи) – и далее – перехода от ономотопеи, междометной аффектации к речи с флексиями, аффиксами, позволяющими различать основные и побочные представления.

Выразительно-изобразительная сторона (*homo significas*) должна органично дополняться стороной социальной (уровень межсубъективной коммуникации – *homo socialis*), стороной жизневоспроизводительной (уровень продуктивной деятельности (*homo habilis*) и стороной сознательной (уровень мыследеятельности – *homo cogitans, cognoscens*). Применительно к последней, наиболее важной для нас стороне требует специального осмысления феномен диффузности языка, наблюдаемый в фазах архаики, ранней онтогенетики, комбинирования суммарным значением слов, нерелективной полисемии (нарушение закона мыслительного тождества), упрочения причинной лексики, с ней – ментального каузализма, стадильности генерализации, аналитико-синтетических операций (расчленение целого на несвязанные, несоотнесенные и связанные и соотнесенные фракции) и т. д.

В онтогенетической плоскости дело обстоит лучше, но далеко не удовлетворительно (в который раз даешься диву: за 76 лет советской власти при государственной поддержке философских штудий не удалось выполнить завет классика из «Философских тетрадей» – построить объемную гносеологическую доктрину мышления с моделью мыследеятельности ребенка): по сей день в точности не ясно, как мыслят дикари, аборигены, дети. Тем не менее здесь больше оснований для простора резюмирующего суждения.

Оттолкнемся от мысли Салливана о трехзвенности сигнализации чувственного материала:

- 1) прототаксис – бессвязный ток ощущений (у ребенка) –

стадия «чистой» перцепции с «чистыми» ее значениями;

2) паратакис – фиксация причинных линий в связанных по времени событиях;

3) синтаксис – оперирование знаками (символами) по правилам ассоциации слов для выражения мыслей.

1) – эфемерна ввиду нашей неосведомленности об опосредованном типе перцептивности в «бессознательный» период. К сказанному стоит только присовокупить довольно настороженное отношение гносеологии ко всему «чистому», «непосредственному» – для концептуализации многомерной, развернутой в ретроспективу человеческой сущности такого рода презумпции потрясающе легковесны. Однако же, если разуместь узкий вопрос «развитие речи», в обозримом наборе начальных звуков допустимо дифференцировать тоны спокойствия; дискомфорта; экспрессии во сне; сигналы нормальности кормления; благодности пребывания на руках матери.

Здесь же пробиваются аморфные слова-корни, употребление которых завязано на «поверхностные аналогии объектов по эмоционально-сенсорным свойствам» [10, с. 91]. Скажем, «карандаш» ребенок именует «писи» (пиши), равно как просьбу нарисовать – «писи». С помощью таких приемов обозначается «деятель-объект», «деятель-действие», «действие-объект». Диффузность, комплексность мысли передается: а) словами-предложениями; б) неразличимостью синтаксиса и семантики в словах-высказываниях (в развитом языке и развитом сознании назывные слова-предложения корреспондируют семантическим эллипсам). Временная дистанция (1) – с рождения до 1,8 года (преобладание слов-предложений – 1,3–1,8 лет жизни).

2) – дифференциация выражений желаний, отношений к среде на фоне усвоения образцов речи коммуникаторов (взрослых). Использование двусловных грамматически неоформленных предложений (конструкции типа: два неизменяемых существительных с пропуском глагола). Временная дистанция – 1,7–1,10 лет [4].

На этапе двучленного предложения обособливается субъект, объект, действие, от предмета отчленяется признак. С позиции предметно-содержательной дело выглядит так, что выражаемые простейшими предложениями отдельные образы формируются ситуативно под влиянием элементарных вещно-практических манипуляций в ходе игры. В последующем частные образы обобщаются в образы классов предметов; предмет из ситуации выносится в «схему ситуации»; мышление воспаряет от деятельности в ситуации к комбинированию характерами ситуаций [10, с. 91]. Ребенок постигает предметное значение ситуаций, представляющих предметом анализа, обобщений. Мыслительное развитие запараллеливается с языковым: естественная проекция одного на другое

– формирование грамматических категорий как способов выражения предметных значений.

3) – фазовый переход от двусловных предложений к более или менее богатым синтаксическим оформителям – многословные, грамматически полностью или частично упорядоченные конструкции – предложения с 3–4 словами, где слова начинают обретать морфологически точные очертания (временная дистанция – с 1,9 года). Нарастание словарного запаса, упрочение грамматических значений в пределах слова в ментальном отношении позволяет вводить образы соотнесенных между собой классов предметов, действий, признаков, отношений. Представление «класса» (ассоциации) преобразуется посредством замены его образом свойства, определяющего характер класса (капитальная для гносеологии «загадка» индукции имеет вполне «детскую» разгадку). Множество заменяется «параметром» как новым «простым» объектом умственного действия. Языковая проекция ментальных сдвигов – обслуживающая необходимость структуризации предметной иерархии дифференцировка отношений между членами предложений: кристаллизация противопоставления подлежащего сказуемому, морфологическое, синтаксическое (грамматическое) программирование речи. К пяти годам регистрируется окончательное формирование детского языка с крепким механизмом запрограммированного речевого поведения – способностью выстраивать синтаксически сложные высказывания. (По Н.И. Жинкину, это особая коммуникационная система – система расширяющихся сообщений с изменяющимся языком.)

Обращаясь к мощному гуссерлевскому приему, можно углубить аналогию. Первый этап феноменологической редукции – эйдетическая редукция с атрибутивным ей *epoché* на рассматриваемой стадии кристаллизации символического – складывании способности отправлять символические акты – характеризуется ужесточением воздержания от предметной перцепции. Здесь мы имеем не отказ от суждения о мире с обособлением ареала субъективности, но имеем сознание как пространство смыслообразовательных, смыслопородительных процессов, детерминированных пониманием производимых слов (временная дистанция 3–7 лет). Наглядно-действенное мышление «утрачивает» свою перцептивную основу, отделяется от контекста практического (игрового) усилия; – опираясь на вербализацию, оно задействует сигнификацию как искусственный (символический) индуктор содержания.

Общность дочеловеческой и человеческой ступеней эволюционного прогресса – в сходной поведенческой основе (обеспеченной деятельностью больших полушарий), замкнутой на сигнализацию. В случае животных дело ограничивается первой сигнальной системой, в случае человека – второй. Сигнализация у животных имеет рефлексную базу, у человека – символическую. Человек становится человеком, приобретая способность сигнифицировать.

Сигнификация – исчисление знаков – с применением вербально-го кодирования сочленяет содержательный и выразительный планы мысли. Многосоставность знака (слова) позволяет паковать мысль в речь, речь переводить в мысль. Человеческая разумная форма самозаявления, следовательно, способна быть лишь знаково-содержательной.

Оформление символического акта в разрезе «диахрония» с учетом сказанного таково:

– кристаллизация предметной мысли в виде «чистых» значений первичных перцептивных опытов;

– преобразование чувственных конкретов в абстракты через сигнификацию, обслуживающую три плоскости: мысль, речь, коммуникация (экспериментально показано: у ребенка с появлением голосовой реакции возникают реакции социального контакта) [2, с. 164]; переход мысли из чувственной области во сверхчувственную [9, с. 437] осуществляется введением слов – второсигнальных знаков, образов; по закону условного рефлекса промежуточные звенья отбрасываются; остается связь «знак-значение»;

– ребенок, усваивая перцептивную связь слова и предмета, заменяет ее символической связью «знак-значение»; голосовая реакция на предмет в перцептивном контакте замещается артикулированной речью; речь становится не аффективной, а интеллектуальной, сцепленной с мыслью, мысль приобретает не предметный, а речевой характер. «Встреча» мышления и речи происходит на рубеже двух лет.

Наш язык – наша история, говорит Я. Гримм. Наша человеческая история начинается со способности сигнифицировать – налаживать знаково-мыслительные символические акты.

Список литературы

1. Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 246 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Просвещение, 1982. Т. 3. 368 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Просвещение, 1982. Т. 6. 400 с.
4. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН, 1961. 467 с.
5. Павлов И.П. Полное собрание трудов: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. III. 439 с.
6. Павловские среды: в 3 т. / под ред. академика Л.А. Орбели. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. 387 с.
7. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1967. 544 с.

8. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 399 с.
9. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: ОГИЗ, 1947. 416 с.
10. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 134 с.
11. Köhler W. Zur psychologie der Schimpansen // Psychologische Forschung. 1921. Bd I. S. 39–67.

THE NATURE OF SYMBOLIC ACT: DIACHRONIC DIMENSION (PART 1)

V.V. Ilyin, A.A. Kalinin

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow

The incorporation of a personality into the culture symbolic framework is examined within the article's format. In this perspective, the formation of the human qualities is understood in terms of automorphic constitutive processes in the zone of the proximate socio-cultural development.

Keywords: *socialization, personality, symbolic exchange activities.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор каф. философии ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

КАЛИНИН Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой физкультуры, ФГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: kalinin@bmstu.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof., Dept. of Philosophy, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

KALININ Andrey Anatolievich – Chair of Physical education Department, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru